

Взгляд Канаме был «говорящим» настолько, что люди, которые одаривались им, зачастую сами додумывали то, о чём сам мальчик даже и не помышлял. Крайне пронзительные золотые глаза, многим его высокомерный взгляд был совсем не по душе. Годжо Суюми была робкой и хрупкой женщиной, порой её излишняя скромность даже злила случайных собеседников, но её муж был всем доволен. Макото нравился тот факт, что она никогда не позволяла себе колких слов в его адрес, даже когда он проходил по грани морали. Например, она совсем не вмешивалась в разговор своего супруга и его отца, когда те решали судьбу её младшего сына.

— Мама... Мамочка...? — Иронично закатив глаза и пробуя эти слова на вкус, Канаме ехидно ухмылялся. — Как мне тебя звать, женщина? Подскажи мне, обещаю, что не убью тебя.

— ... — Суюми вздрогнула и сделала неловкий шаг назад, она походила на антилопу, которая застыла в мощной удушающей хватке анаконды.

Она не знала, что ей отвечать. Она боялась, ещё поджилки буквально тряслись от страха, когда она смотрела на своего ребёнка. Сама она была шаманом лишь чуть выше среднего, зато в её генеалогическом древе встречались весьма известные и могущественные индивиды из магического мира... Селекция процветала в древних семьях шаманов до сих пор, и, более того, эта практика считалась нормой даже сейчас. Макото и Суюми связали себя узами брака скорее по расчёту, нежели из-за любви, но тогда ещё молодая девушка не то чтобы была особо против — её партнёр вышел недурен лицом и отличался уникальными серебряными волосами.

— А ты любишь молчать, а? — Хмыкнув, задал риторический вопрос Канаме. — Любишь молчать больше, чем меня, а? Больше, чем своего ребёнка, а-а?!

Он широко распахнул веки, его лицо слегка побагровело, один глаз заметно задрожал, и он заметно повысил свой детский голос, перейдя на возмущённый крик. Суюми вздрогнула, как от пощёчины и уже откровенно затряслась, даже не пытаясь как-то спрятать свой ужас. Не было оправданий, не было попыток защитить себя или своё достоинство. Воистину жалкое зрелище — человек без собственной воли, разве может быть что-то хуже?

Канаме хотел разорвать её на части, но сдерживал себя. Он хотел продолжить на неё кричать, но, увидев её панический испуг, не стал. Он питал к ней глубокую ненависть и неприязнь, помнил, что она даже не попробовала заступиться за него, что она не навещала его, пока он всё ещё находился в этом поместье и лежал в колыбели. Да его поила своим молоком совсем чужая женщина! Разве так родная мать должна относиться к собственному ребёнку?

Канаме помнил, каким человеком был Регулус Корниас в той истории, которую он читал, а потому оправданно считал себя чуть ли не ангелом: те безумные монологи этого поехавшего психопата о справедливости и нарушении его собственных прав другими отпечатались в его памяти навсегда. И тот факт, что архиепископ греха жадности даже чужую доброту расценивал как оскорбление его чести и достоинства из-за того, что они «нарушают его право» быть самодостаточным и полноценным человеком, он тоже помнил. Жадность Канаме действительно лежала в иной плоскости, он был зависим от чужой привязанности к нему, он любил, когда вокруг него вертелись люди, которые беспокоятся о нём и ценят его.

В его мировоззрении не укладывалась мысль о том, что он может быть чудовищем в глазах родной матери. Неприемлемо, отвратительно, мерзко... Его сотрясало от ярости, когда должны быть самыми близкими люди испытывали к нему противоположные положительным эмоции.

Отвернувшись от морально сломленной его словами женщины, Канаме пошёл прочь, к своему брату. Ему нужно успокоиться, а то он точно натворит чего-нибудь лишнего. Совсем скоро ему предстоит общение ещё и с дедом, который сейчас «удалился куда-то по делам», как пояснили слуги. Впрочем, о прибытии в поместье Годжо его одиозного внука Канаме ему сообщили практически сразу же, как златоглазый появился на горизонте.

Ребёнок шёл по коридору, не оборачиваясь и не обращая внимания на интерьер в принципе. Такие мелочи его не интересовали, роскошь была и в его прошлом жилище. Уныло, серо, неважно. Приятных людей вокруг мало, это удручало, а голоса в голове тем временем набирали обороты каждые полчаса, будто пробуя нервы и так нестабильного мальчишки на прочность. Шёпот, шёпот, шёпот...

«Почему не убил?»

«Убей её!»

«Обними её и утешь.»

«Ты тупой недоумок, вот она и не любит тебя!»

Тёмные зрачки беспорядочно тряслись в золотой радужке, в белке стала заметно виднее сеточка капилляров, а дыхание Канаме стало сбитым. Сейчас ему необходимо дышать — «львиное сердце» неактивно, и он не применял свою способность на остальном теле. Собственная безопасность сейчас не приоритетная задача, сохранение рассудка — намного важнее...

«И что ты тут делаешь?»

Удивительно чёткий и ясный женский голос, раздавшийся со всех сторон одновременно, заставил Канаме остановиться в ступоре. Те голоса были чужеродны, неестественны и размыты, совсем не походили на человеческие. Этот же... Слово говорила самая настоящая молодая девушка. Мальчик начал оглядываться по сторонам с недоумением и изумлением на лице, пробуя найти заговорившую зрением. Но никого вокруг не оказалось.

В один момент окружающая реальность будто потекла масляными красками, и теперь его взору предстали зелёные поля и луга без единого цветка, заполненные лишь травой, а также с холмиком неподалёку от новоприбывшего. И беседка на нём, в которой находилась весьма привлекательная девушка с обсидиановыми глазами, и одновременно добрым и хитрым лицом. Вкупе с улыбкой, она походила на чёрно-белую лису, которая способна вызвать доверие только у совсем отчаявшегося, слепого или полного идиота. Ещё около трёх секунд Канаме продолжал находиться в пространии, пытаясь осознать и вспомнить, кого он видит перед собой.

— Ты... — Лицо малыша исказилось в лютом отвращении и презрении, он скривился так, будто ему предложили съесть сгнившую сырую картошку.

— Прия-... — Странная женщина в чёрном платье не успела договорить, так как её голова разорвалась практически сразу же, как только она открыла рот.

Лицо Канаме преобразилось в злобном оскале, когда он увидел, что все его действия просто-

напросто отменились. Теперь эта особа была абсолютно цела и продолжала всё так же улыбаться, будто её совсем не тронула недавняя попытка собственного убийства. Наоборот, в каком-то смысле это даже заинтересовало её, и в её обсидиановых глазах можно было заметить вспыхнувший интерес вместе с азартом.

— Это ты у меня спрашиваешь, что я тут делаю? — Теперь юный Годжо был очень разозлён неожиданно появившейся переменной, это походило на какую-то неумелую шутку. — Это ТЫ мне скажи, как оказалась здесь?

— Как интересно. — Задумчиво промычав, она положила свой подбородок на руку и теперь с детским любопытством изучала находящийся перед её взглядом феномен.

Само собой, самовлюблённый Канаме терпеть игнорирование не стал. Кисть женщины, на которую опирался её подбородок, мгновенно превратилась в кровавую взвесь, из-за чего её челюсть забавно клацнула. Она обиделась и совсем по-детски огорчилась.

— Остановись уже, ты не можешь навредить мне в моём личном сне. — Нравоучительно и оскорблённо пояснила она, жестикую ладонью уже восстановившейся руки.

— Ехидна, если ты сейчас же не объяснишься, то я просто разорву и тебя и твой сон ко всем чертям. — Ребёнок злобно прошипел, походя на скорее недовольного котёнка, нежели на реальную угрозу. — Мне здесь не нужны ведьмы. Этому миру достаточно меня одного.

— Какой ты высокомерный, аж рот вяжет от этой приторности! — Ведьма жадности звонко рассмеялась. — Да ну, ты же не тот самый Регулус Корниас, да и для женитьбы ты как-то слишком юн... Уверен, что сможешь пережить хотя бы первые десять секунд нашей схватки?

— Я тебя сотру в порошок, это даже схваткой не будет. — Канаме широко ухмыльнулся, его глаза опасно блеснули, когда в них вместо гнева проявился хищный интерес. — На тебя хватило и одного Гектора, а вот Пандоры или Сателлы я тут не вижу... Можешь считать, что я тот же самый Гектор, только ещё могущественнее.

— Ха-ха-ха! — Ведьма греха так искренне и чисто рассмеялась, что это вызвало у её невольного собеседника недоумение. — Вижу, вижу, ты прямо как Нацуки Субару, который начитался всяких интересных историй, разве что характер у тебя прескверный. Между прочим, умерла я не от рук ведьмака уныния.

Канаме помрачнел, оскорбившись тем фактом, что его поправили.